

Оригинальная статья

УДК 159.922, 159.922.73, 159.9.072
doi: 10.11621/npj.2021.0207

Роль факторов семейного воспитания в формировании интернет-зависимого поведения у подростков

А.Е. Канашов*, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0002-7797-1599

А.В. Трусова, Санкт-Петербургский государственный университет, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева, Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0002-0921-4203

*Для контактов. E-mail: anton.oliver15@gmail.com

Актуальность тематики исследования. Широкое распространение Интернета за последние несколько десятилетий влечет за собой новые проблемы и вызовы. Излишняя поглощенность онлайн-активностью в ущерб личностному и социальному функционированию может приводить к развитию интернет-аддикции (ИА) — относительно нового феномена, варианта нехимической зависимости. Особенно высокий аддиктивный риск в этом отношении отмечается в популяции подростков и молодежи. Характеристики внутрисемейных отношений могут быть как протективным фактором, так и фактором, повышающим уязвимость к формированию интернет-зависимого поведения у подростков.

Цель исследования. Проанализировать особенности восприятия взаимоотношений с родителями у подростков с разным уровнем выраженности интернет-зависимого поведения.

Описание хода исследования. В исследование было включено 1119 участников — пользователей Интернета — 565 девушек и 554 юношей в возрасте от 15 до 18 лет, обучающихся в общеобразовательных учреждениях г. Копейска, Челябинской области.

Результаты исследования. Разделение по итоговому баллу шкалы интернет-аддикции Чена (CIAS) позволило разбить выборку на 3 подгруппы: минимальный (группа 1), умеренный (группа 2) и высокий риск/наличие ИА (группа 3). В сфере восприятия подростками отношений с родителями (шкала «Подростки о родителях», ПоР/ADOR) отмечаются значимые различия: участники с умеренным риском ИА чаще сообщали о враждебности ($p < 0,001$) и непоследовательности ($p < 0,001$) со стороны отца, также характеризовали свою мать как директивную ($p = 0,001$), враждебно настроенную ($p < 0,001$), непоследовательную ($p < 0,001$) и критикующую ($p = 0,010$). Наиболее благополучная группа минимального риска ИА отметила эмоционально близкие отношения с отцом ($p = 0,024$) и матерью ($p = 0,005$), по сравнению с этими участниками подростки с умеренным и высоким риском ИА отличались более высокими показателями непоследовательности ($p < 0,001$) и враждебности ($p = 0,018$) со стороны матери. По результатам корреляционного анализа были выделены следующие существенные взаимосвязи между выраженностью интернет-зависимого поведения и отношения со стороны родителей: «Враждебность» (отец), «Непоследовательность» (отец), «Фактор близости» (отец), «Директивность» (мать), «Враждебность» (мать), «Непоследовательность» (мать), «Фактор близости» (мать), «Фактор критики» (мать). При применении пошаговой линейной регрессии в модели остался только один фактор, вносящий наибольший вклад в развитие интернет-зависимого поведения — «Непоследовательность (со стороны матери)» ($p < 0,001$).

Заключение. Полученные в исследовании данные показывают наличие связи между семейными взаимоотношениями и признаками интернет-зависимого поведения у подростков. Наиболее важными факторами отношения со стороны родителей, связанными с риском ИА у подростков, оказались факторы непоследовательности и враждебности обоих родителей при более значительной роли взаимоотношений с матерью. Полученные данные могут быть использованы при проведении профилактических программ среди школьников и подростков, а также психологического просвещения родителей.

Ключевые слова: интернет-аддикция, подростки, факторы аддиктивного риска, семья, воспитание.

Для цитирования: Канашов А.Е., Трусова А.В. Роль факторов семейного воспитания в формировании интернет-зависимого поведения у подростков // Национальный психологический журнал. 2021. № 2 (42). С. 76–87. doi: 10.11621/npj.2021.0207

Поступила 27 мая 2021 / Принята к публикации 22 июня 2021

The role of family relationships in Internet addiction in adolescents

Anton E. Kanashov*, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

ORCID: 0000-0002-7797-1599

Anna V. Trusova, St. Petersburg State University, V.M. Bekhterev National Research Medical Center for Psychiatry and Neurology, St. Petersburg, Russia

ORCID: 0000-0002-0921-4203

*Corresponding author. E-mail: anton.oliver15@gmail.com

Background. The significant expansion of the Internet over the past few decades has led to new public problems. A broad discussion of the development factors of Internet addiction helps to popularize the idea of the existence of an addictive risk, in particular in the adolescent's population. The interpersonal characteristics of adolescents and family members can increase vulnerability to Internet addiction.

Objective. To analyze the characteristics of the family relations of adolescents in groups with different levels of Internet addiction.

Design. The study included 1,119 Internet users – 565 girls and 554 boys between 15 and 18 years of age studying in secondary school in Kopeysk, Chelyabinsk region.

Results. The split of the CIAS scale by final score allowed the sample to be divided into 3 subgroups: minimum, moderate and high risk/availability of IA (Internet addiction). There are significant differences in the way adolescents perceive the pedagogical practices of parents: participants with moderate risk of IA more often reported hostility ($p < 0.001$) and inconsistency ($p < 0.001$) on the part of the father, also characterized their mother as directive ($p = 0.001$), hostile ($p < 0.001$), inconsistent ($p < 0.001$) and critical ($p = 0.010$). The minimum risk group noted a more emotional relationship with the father ($p = 0.024$) and the mother ($p = 0.005$). In comparisons 1 and 3 the results repeated the inter-group differences of the first two groups, but with the exception of criticism, which was not significant. Groups 2 and 3 were distinguished by inconsistency ($p < 0.001$) and hostility ($p = 0.018$) on the part of the mother. Similar results were obtained in the construction of the correlation model. Through step-by-step regression analysis, factors that contribute most to the development of Internet addiction were determined – “Inconsistency (mother)” ($p < 0.001$).

Conclusion. The data show that there are some differences in the way in which parents perceive the pedagogical system in adolescents, with varying levels of Internet addiction.

Keywords: Internet addiction, adolescents, addictive risk factors, family, education.

For citation: Kanashov A.E., Trusova A.V. (2021) The role of family relationships in Internet addiction in adolescents. [Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal], 2 (42), 76–87. doi: 10.11621/npj.2021.0207

Received May 27, 2021 / Accepted for publication: June 22, 2021

Введение

Возрастающее число пользователей глобальной сети Интернет отражает современную реальность — совершенно очевидна необходимость использования Интернета как для рабочей и учебной деятельности, так и для досуговой. Сегодня пользователей Интернета во всем мире насчитывается порядка 4,8 миллиарда человек (<http://www.internetlivestats.com/>; 29.01.2021). При этом у исследователей и практиков в области психического и физического здоровья нарастает озабоченность как количеством времени, которое пользователи уделяют онлайн-активности, так и распространением дезадаптивных поведенческих паттернов, приводящих к формированию интернет-аддикции (ИА).

Понятие интернет-аддикции было введено американским психиатром А. Голдбергом и рассматривалось как «снижение социальной и профессиональной деятельности из-за использования интернета», «фантазии и мечты об интернете». Другой крупный исследователь Кимберли Янг полагает, что зависимость от Интернета — «это широкий термин, обозначающий большое количество проблем поведения и контроля над влечениями» (Егоров, 2018). На сегодняшний день для описания этого феномена наряду с термином интернет-аддикция используются и другие — такие, как неагализм, виртуальная аддикция, интернет-поведенческая зависимость, интернет-зависимое поведение, избыточное/патологическое использование интернета, интернетомания и др. (Егоров, Солдаткин, 2020).

Важным аспектом в изучении интернет-зависимого поведения является определение места данного феномена в структуре современного психологиче-

ского знания. В конце прошлого века М. Гриффитс (Griffiths, 1999) выдвинул идею о том, что люди, использующие Интернет чрезмерно много, не являются интернет-аддиктами как таковыми, но с помощью него они поддерживают и удовлетворяют другие зависимости. В отличие от М. Гриффитса, Дж. Кэнделл (Kandell, 1998) выделил интернет-аддикцию как отдельную патологическую зависимость, не связывая её с определенными формами деятельности в Сети. В то же время, как считает М. Гриффитс, если зависимость от Интернета существует действительно, то она затрагивает лишь малый процент пользователей.

Расширяя представление об интернет-аддикции, Р. Дэвис (Davis, 2001) предложил когнитивно-поведенческую схему патологического использования Интернета. Им было охарактеризовано и выделено две основные формы: специфическое патологическое использование Интернета (Specific Pathological Internet Use) и генерализованное патологическое использование Интернета (Generalized Pathological Internet Use). Первая форма основана на реализации специфических форм деятельности в Интернете, таких, как общение, онлайн гемблинг, аукционы и т.д. Вторая форма предполагает неспецифическое использование Интернета, то есть проведение в Сети большого количества времени без осознаваемой цели.

Егоров А.Ю. (Егоров, 2007), соглашаясь с К. Янг и Р. Дэвисом о сложности и неоднозначности структуры интернет-аддикции и поддерживая точку зрения М. Гриффитса, считает, что интернет-зависимое поведение представляет собой сборную группу различных поведенческих зависимостей, где компьютер и Интернет являются лишь средством их реализации, а не объектом. Так, Егоровым было выделено 7 типов интернет-аддикций.

Антон Евгеньевич Канашов —

аспирант факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, медицинский психолог детского поликлинического отделения № 64 Городской поликлиники № 109

ORCID: 0000-0002-7797-1599

Anton Y. Kanashov —

postgraduate student of the Faculty of Psychology, Saint-Petersburg State University, medical psychologist at Children's polyclinic department №64 of Municipal polyclinic №109

ORCID: 0000-0002-7797-1599

Анна Владимировна Трусова —

кандидат психологических наук, доцент кафедры медицинской психологии и психофизиологии Санкт-Петербургского государственного университета, старший научный сотрудник стационарного отделения лечения больных с аддиктивной патологией, Национального психиатрического исследовательского центра психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева

ORCID: 0000-0002-0921-4203

Anna V. Trusova —

PhD in Psychology, associate professor at the Department of Medical psychology and Psychophysiology, Saint-Petersburg State University, senior researcher at the Clinic of Addictive pathologies, V.M. Bekhterev National Research Centre of psychiatry and neurology

ORCID: 0000-0002-0921-4203

Несмотря на то, что существует достаточное количество данных о фактах патологического использования Интернета, Д. Морэйхан-Мартин (Гриффитс М., 2009) отмечает, что тема наличия интернет-аддикции противоречива. Существующие на сегодняшний день измерительные инструменты и критерии носят неоднозначный характер. Такая методическая и методологическая диффузность не позволяет ясно оценивать реальную картину, а отсутствие стандартизированных критериев не даёт специалистам из разных стран адекватно сравнивать полученные результаты. Она подчеркивает, что остается большое количество вопросов по определению нозологической принадлежности интернет-аддикции.

Исследовательские данные, охватывающие большое количество стран, показывают, что во всем мире подростки являются наиболее уязвимой группой для развития интернет-аддикции (Nakayama et al., 2017). Современные дети и подростки, растущие в эпоху цифровых технологий, знакомы с Интернетом с самого раннего возраста. Количество часов, проводимых подростками онлайн, неуклонно увеличивается (OECD, 2018). Из-за незрелости мозговых механизмов эмоциональной и поведенческой регуляции, а также в силу специфической пластичности нейроразвития подростков, ИА представляет особую опасность для их психического здоровья и, по всей видимости, может иметь негативные последствия в дальнейшей жизни (Cerniglia et al., 2016).

Подростковый и юношеский возраст всегда находятся в фокусе внимания ученых и специалистов-практиков в области психического здоровья, в том числе психологов. Известно, что возраст начала потребления психоактивных веществ (ПАВ) снизился (Shaw, Black, 2008), а это, в свою очередь, увеличивает риск формирования зависимости и рискованного поведения в последующем, более взрослом возрасте (Odgers et al., 2008; Jordan, Andersen, 2017). Подобную параллель можно провести с использованием Интернета, так как доступ к электронным устройствам может привести к эскалации риска зависимого поведения (Moon et al., 2005). Есть данные о том, что люди, избыточно увлеченные веб-серфингом, демонстрируют такие же психологические эффекты, что и те, кто увлечен азартными играми (Reed et al., 2017). В.Л. Малыгин с соавт. (2018) отмечает, что подростки с интернет-аддикцией и подростки с зависимостью от каннабиоидов имеют определенное сходство по ряду характерологических черт (Малыгин и др., 2018).

Многие зарубежные актуальные исследования показывают, что взаимоотношения подростков с родителями являются одним из определяющих факторов развития ИА (Schneider et al., 2017; Chung et al., 2019). В недавнем исследовании Chung с соавт. было показано, что семейные и социальные факторы в эффективной профилактике ИА имеют не меньшее значение, чем индивидуально-психологические факторы (Chung et al., 2019). Младшие подростки имеют более высокий риск развития ИА, чем подростки старшего возраста, и семейный фактор определяет высокий риск развития ИА наравне с принадлежностью к

мужскому полу и высоким уровнем депрессии (Chen et al., 2020).

Отечественные исследования также подтверждают роль семейных отношений в развитии ИА, но являются относительно немногочисленными (Смирнова, 2013; Богомолова, Бузина, 2018).

Цель исследования — проанализировать особенности восприятия взаимоотношений с родителями у подростков с разным уровнем выраженности интернет-зависимого поведения.

Материалы и методы исследования

Исследование было проведено на базе общеобразовательных учреждений Челябинской области, город Копейск. В исследование включались подростки, достигшие 15 лет и давшие свое добровольное согласие на участие в исследовании. Исследование проводилось в тесном сотрудничестве и при содействии Управления образования администрации Копейского городского округа, г. Копейск, Россия.

Для оценки проявлений интернет-зависимого поведения использовалась шкала интернет-зависимости Чена (Chen Internet Addiction Scale, CIAS) в адаптации В.Л. Малыгина с соавт. (Малыгин и др., 2011). Шкала CIAS включает в себя 5 субшкал: 1) шкала компульсивных симптомов; 2) шкала симптомов отмены; 3) шкала толерантности; 4) шкала внутриличностных проблем и проблем, связанных со здоровьем; 5) шкала управления временем. Помимо общего показателя шкалы CIAS и показателей этих субшкал, подсчитываются вспомогательные интегральные показатели, отражающие ключевые симптомы интернет-зависимости и ее негативные последствия.

Для оценки особенностей восприятия подростками системы воспитательной практики родителей использовалась методика «Подростки о родителях» Э. Матейчек и П. Ржичан (Adolescent o Rodičoch, ADOR) в адаптации Л.И. Вассермана, И.А. Горьковой, Е.Е. Ромицыной (Вассерман и др., 2000).

Математико-статистический анализ данных проводился с помощью Statistical Package for the Social Sciences v.26.0 (IBM SPSS). Переменные, имеющие непрерывный характер распределения, описывались средним и стандартным отклонением $M(\sigma)$, дискретные переменные и упорядоченные данные — медианой, 1–3 квартилями $Me [Q1;Q3]$. Межгрупповое сравнение шкальных оценок осуществлялось при помощи двустороннего двухвыборочного U-критерия Манна–Уитни. Корреляционный анализ данных реализовывался при помощи критерия Спирмена. Использовался пошаговый линейный регрессионный анализ. Нулевые гипотезы отклонялись при $p < 0,05$.

Характеристика выборки

В исследование было включено 1119 участников-пользователей Интернета — 565 девушек (50,5%) и 554 юношей (49,5%). Средний возраст участников

исследования составил 15,9 (0,9) года ($M(\sigma)$). Распределение участников по школьным классам градируется следующим образом: приняли участие в исследовании обучающиеся восьмых классов — 6 человек (0,5%), девятого классов — 592 человека (52,9%), десятых классов — 265 человек (23,7%), одиннадцатых классов — 256 человек (22,9%).

Разделение по итоговому баллу шкалы CIAS позволило разбить выборку на 3 подгруппы — с минимальным уровнем риска интернет-зависимости, умеренным уровнем риска интернет-зависимости, наличие интернет-зависимого поведения. Специальной математической процедуры расчета cut-off критерия не проводилась, основанием разделения внутри общей группы респондентов являлись показатели нормативных интервалов шкалы CIAS авторов русскоязычной адаптации (Малыгин и др., 2011): диапазон 27–42 балла — отсутствие интернет-зависимого поведения; 43–64 балла — склонность к возникновению интернет-зависимого поведения/доаддиктивный этап; 65 баллов и выше — наличие интернет-зависимого поведения.

Таблица 1. Сравнение особенностей оценки отношения со стороны родителей у подростков с минимальным и умеренным риском ИА

Показатель (методика ADOR)	Минимальный риск ИА (N = 349)	Умеренный риск ИА (N = 654)	Статистика различий
	Me [Q1; Q3]	Me [Q1; Q3]	
Позитивный интерес (отец)	12,3 [9,0; 16,0]	12,3 [9,0; 17,0]	$U = 112895,0$, $p = 0,778$
Директивность (отец)	8,5 [5,0; 10,0]	8,5 [6,0; 11,0]	$U = 106775,5$, $p = 0,091$
Враждебность (отец)	5,0 [2,0; 7,0]	6,1 [3,0; 9,0]	$U = 96870,5$, $p < 0,001^{***}$
Автономность (отец)	10,9 [9,0; 13,0]	10,9 [10,0; 13,0]	$U = 113497,0$, $p = 0,886$
Непоследовательность (отец)	8,0 [4,0; 9,0]	8,1 [6,0; 11,0]	$U = 90052,5$, $p < 0,001^{***}$
Фактор близости (отец)	6,2 [3,0; 13,0]	6,2 [1,7; 12,0]	$U = 104299,0$, $p = 0,024^*$
Фактор критики (отец)	-2,5 [-6,0; 0,0]	-2,5 [-6,0; 1,0]	$U = 106839,5$, $p = 0,075$
Позитивный интерес (мать)	14,0 [11,0; 18,0]	13,7 [10,0; 18,0]	$U = 106369,5$, $p = 0,075$
Директивность (мать)	10,0 [6,0; 12,0]	10,2 [8,0; 13,0]	$U = 99019,0$, $p = 0,001^{***}$
Враждебность (мать)	5,0 [2,0; 8,0]	6,0 [3,0; 9,2]	$U = 97940$, $p < 0,001^{***}$
Автономность (мать)	11,0 [9,0; 13,0]	11,0 [9,0; 13,0]	$U = 111901,5$, $p = 0,610$
Непоследовательность (мать)	7,0 [5,0; 10,0]	8,4 [6,0; 11,0]	$U = 95637,0$, $p < 0,001^{***}$
Фактор близости (мать)	9,0 [2,5; 15,0]	7,1 [0,7; 14,0]	$U = 101748,5$, $p = 0,005^{**}$
Фактор критики (мать)	-0,7 [-5,0; 1,0]	-0,7 [-4,0; 2,0]	$U = 102877,0$, $p = 0,010^{**}$

Примечание: Me [Q1; Q3] — медиана, 1–3 квартиль; *** $p \leq 0,001$, ** $p \leq 0,01$, * $p \leq 0,05$, двусторонний двухвыборочный U-критерий Манна–Уитни.

Первую группу составили 349 (31,2%) участников — 154 девушки (44,1%) и 195 юношей (55,9%), средний возраст равен 16,1 (0,9) года ($M(\sigma)$). Вторую группу — 654 (58,4%) участников (344 девушки (52,6%) и 310 юношей (47,4%)), средний возраст испытуемых 15,9 (0,9)). Третья группа включает 116 (10,4%) человек (67 девушек (57,8%) и 49 юношей (42,2%) соответственно), средний возраст участников этой группы составил 16,04 (0,80).

Результаты исследования

В сфере восприятия подростками отношения со стороны родителей отмечаются значимые различия в группах с минимальным и умеренным риском развития ИА (табл. 1).

Участники с умеренным риском ИА чаще сообщали о враждебности ($p < 0,001$) и непоследовательности ($p < 0,001$) со стороны отца, также характеризовали свою мать как директивную ($p = 0,001$), враждебно настроенную ($p < 0,001$), непоследовательную ($p < 0,001$).

Table 1. Comparison of the evaluation of the parental attitudes in adolescents with minimum and moderate levels of Internet addictive behavior

Variable (ADOR)	Minrisk IA (N = 349)	Modrisk IA (N = 654)	Statistical differences
	Me [Q1; Q3]	Me [Q1; Q3]	
POZ (father)	12.3 [9.0; 16.0]	12.3 [9.0; 17.0]	$U = 112895.0$, $p = 0.778$
DIR (father)	8.5 [5.0; 10.0]	8.5 [6.0; 11.0]	$U = 106775.5$, $p = 0.091$
HOS (father)	5.0 [2.0; 7.0]	6.1 [3.0; 9.0]	$U = 96870.5$, $p < 0.001^{***}$
AUT (father)	10.9 [9.0; 13.0]	10.9 [10.0; 13.0]	$U = 113497.0$, $p = 0.886$
NED (father)	8.0 [4.0; 9.0]	8.1 [6.0; 11.0]	$U = 90052.5$, $p < 0.001^{***}$
POZ/HOS (father)	6.2 [3.0; 13.0]	6.2 [1.7; 12.0]	$U = 104299.0$, $p = 0.024^*$
DIR/AUT (father)	-2.5 [-6.0; 0.0]	-2.5 [-6.0; 1.0]	$U = 106839.5$, $p = 0.075$
POZ (mother)	14.0 [11.0; 18.0]	13.7 [10.0; 18.0]	$U = 106369.5$, $p = 0.075$
DIR (mother)	10.0 [6.0; 12.0]	10.2 [8.0; 13.0]	$U = 99019.0$, $p = 0.001^{***}$
HOS (mother)	5.0 [2.0; 8.0]	6.0 [3.0; 9.2]	$U = 97940$, $p < 0.001^{***}$
AUT (mother)	11.0 [9.0; 13.0]	11.0 [9.0; 13.0]	$U = 111901.5$, $p = 0.610$
NED (mother)	7.0 [5.0; 10.0]	8.4 [6.0; 11.0]	$U = 95637.0$, $p < 0.001^{***}$
POZ/HOS (mother)	9.0 [2.5; 15.0]	7.1 [0.7; 14.0]	$U = 101748.5$, $p = 0.005^{**}$
DIR/AUT (mother)	-0.7 [-5.0; 1.0]	-0.7 [-4.0; 2.0]	$U = 102877.0$, $p = 0.010^{**}$

Note: Me [Q1; Q3] — median, 1–3 quartile; *** $p \leq 0,001$, ** $p \leq 0,01$, * $p \leq 0,05$, Mann–Whitney U-criterion.

Таблица 2. Сравнение особенностей оценки отношения со стороны родителей у подростков с минимальным и высоким риском ИА

Показатель (методика ADOR)	Минимальный риск ИА (N = 349)	Высокий риск / наличие ИА (N = 116)	Статистика различий
	Me [Q1; Q3]	Me [Q1; Q3]	
Позитивный интерес (отец)	12,3 [9,0; 16,0]	12,3 [9,0; 16,0]	U = 19931,5, p = 0,804
Директивность (отец)	8,5 [5,0; 10,0]	8,5 [7,0; 12,0]	U = 18190,0, p = 0,100
Враждебность (отец)	5,0 [2,0; 7,0]	6,1 [3,2; 10,0]	U = 15987,0, p = 0,001***
Автономность (отец)	10,9 [9,0; 13,0]	10,9 [10,0; 13,0]	U = 15987,0, p = 0,929
Непоследовательность (отец)	8,0 [4,0; 9,0]	8,1 [7,0; 10,7]	U = 15025,0, p < 0,001***
Фактор близости (отец)	6,2 [3,0; 13,0]	6,2 [1,0; 11,0]	U = 17508,5, p = 0,029*
Фактор критики (отец)	-2,5 [-6,0; 0,0]	-2,5 [-4,7; 1,7]	U = 17962,5, p = 0,068
Позитивный интерес (мать)	14,0 [11,0; 18,0]	14,0 [10,0; 17,0]	U = 19612,0, p = 0,614
Директивность (мать)	10,0 [6,0; 12,0]	10,2 [8,0; 14,0]	U = 16478,5, p = 0,003**
Враждебность (мать)	5,0 [2,0; 8,0]	7,5 [3,0; 11,0]	U = 14913,5, p < 0,001***
Автономность (мать)	11,0 [9,0; 13,0]	11,0 [9,0; 13,0]	U = 20072,5, p = 0,892
Непоследовательность (мать)	7,0 [5,0; 10,0]	10,0 [8,0; 13,0]	U = 13318,5, p < 0,001***
Фактор близости (мать)	9,0 [2,5; 15,0]	6,0 [0,0; 13,0]	U = 16677,5, p = 0,004**
Фактор критики (мать)	-0,7 [-5,0; 1,0]	-0,7 [-4,0; 2,0]	U = 17934,0, p = 0,065

Примечание: Me [Q1; Q3] — медиана, 1–3 квартиль; *** p ≤ 0,001, **p ≤ 0,01, *p ≤ 0,05, двусторонний двухвыборочный U-критерий Манна–Уитни.

и критикующую (p = 0,010). Группа минимального риска отметила более эмоционально близкие отношения с отцом (p = 0,024) и матерью (p = 0,005).

В табл. 2 представлены межгрупповые различия подростков с минимальным и высоким риском ИА.

При межгрупповом анализе данных групп минимального и высокого риска/наличия ИА структура различий фактически полностью повторяет результаты сравнения подростков с минимальным и умеренным риском развития ИА. Однако в данном случае отсутствуют значимые результаты по параметру «Фактор критики» (мать).

В табл. 3 представлены межгрупповые различия подростков с минимальным и высоким риском ИА.

Участники с высоким риском/наличием ИА характеризуют отношение со стороны матери как более враждебное (p = 0,018) и непоследовательное (p < 0,001).

Результаты сравнительного анализа связей интернет-зависимого поведения с факторами личностных характеристик отображены в табл. 4.

Table 2. Comparison of the evaluation of the parental attitudes in adolescents with minimum and high levels of Internet addictive behavior

Variable (ADOR)	MinriskIA (N = 654)	Max riskIA (N = 116)	Statistical differences
	Me [Q1; Q3]	Me [Q1; Q3]	
POZ (father)	12.3 [9.0; 16.0]	12.3 [9.0; 16.0]	U = 19931.5, p = 0.804
DIR (father)	8.5 [5.0; 10.0]	8.5 [7.0; 12.0]	U = 18190.0, p = 0.100
HOS (father)	5.0 [2.0; 7.0]	6.1 [3.2; 10.0]	U = 15987.0, p = 0.001***
AUT (father)	10.9 [9.0; 13.0]	10.9 [10.0; 13.0]	U = 15987.0, p = 0.929
NED (father)	8.0 [4.0; 9.0]	8.1 [7.0; 10.7]	U = 15025.0, p < 0.001***
POZ/HOS (father)	6.2 [3.0; 13.0]	6.2 [1.0; 11.0]	U = 17508.5, p = 0.029*
DIR/AUT (father)	-2.5 [-6.0; 0.0]	-2.5 [-4.7; 1.7]	U = 17962.5, p = 0.068
POZ (mother)	14.0 [11.0; 18.0]	14.0 [10.0; 17.0]	U = 19612.0, p = 0.614
DIR (mother)	10.0 [6.0; 12.0]	10.2 [8.0; 14.0]	U = 16478.5, p = 0.003**
HOS (mother)	5.0 [2.0; 8.0]	7.5 [3.0; 11.0]	U = 14913.5, p < 0.001***
AUT (mother)	11.0 [9.0; 13.0]	11.0 [9.0; 13.0]	U = 20072.5, p = 0.892
NED (mother)	7.0 [5.0; 10.0]	10.0 [8.0; 13.0]	U = 13318.5, p < 0.001***
POZ/HOS (mother)	9.0 [2.5; 15.0]	6.0 [0.0; 13.0]	U = 16677.5, p = 0.004**
DIR/AUT (mother)	-0.7 [-5.0; 1.0]	-0.7 [-4.0; 2.0]	U = 17934.0, p = 0.065

Note: Me [Q1; Q3] — median, 1–3 quartile; *** p ≤ 0,001, **p ≤ 0.01, *p ≤ 0.05, Mann–Whitney U-criterion.

В особенностях восприятия подростками отношения со стороны родителей были исследованы связи с интернет-зависимым поведением. Чем более выражены признаки интернет-зависимого поведения, тем больше подростки склонны воспринимать отношение отца: враждебным (r = 0,123, p < 0,001), непоследовательным (r = 0,162, p < 0,001) и неблизким (r = -0,084, p < 0,001). В восприятии отношения со стороны матери значимы для более выраженного риска ИА: директивность (r = 0,136, p < 0,001), враждебность (r = 0,148, p < 0,001), непоследовательность (r = 0,213, p < 0,001), отсутствие близости (r = -0,093, p < 0,01) и критика (r = 0,097, p = 0,001).

Для оценки факторов, вносящих наиболее значимый вклад в риск развития ИА, была использована простая линейная регрессия. Из модели исключались переменные, которые вносили наименьший вклад в регрессию на соответствующем шаге, что позволило остановиться на такой комбинации переменных, когда коэффициент детерминации еще не наибольший, однако уже все переменные модели являются значи-

Таблица 3. Сравнение особенностей оценки отношения со стороны родителей у подростков с умеренным и высоким риском ИА

Показатель (методика ADOR)	Умеренный риск ИА (N = 654)	Высокий риск / наличие ИА (N = 116)	Статистика различий
	Me [Q1; Q3]	Me [Q1; Q3]	
Позитивный интерес (отец)	12,3 [9,0; 17,0]	12,3 [9,0; 16,0]	U = 36861,0, p = 0,626
Директивность (отец)	8,5 [6,0; 11,0]	8,5 [7,0; 12,0]	U = 36478,0, p = 0,508
Враждебность (отец)	6,1 [3,0; 9,0]	6,1 [3,2; 10,0]	U = 35736,5, p = 0,318
Автономность (отец)	10,9 [10,0; 13,0]	10,9 [10,0; 13,0]	U = 37782,5, p = 0,978
Непоследовательность (отец)	8,1 [6,0; 11,0]	8,1 [7,0; 10,7]	U = 36273,5, p = 0,451
Фактор близости (отец)	6,2 [1,7; 12,0]	6,2 [1,0; 11,0]	U = 36069,0, p = 0,395
Фактор критики (отец)	-2,5 [-6,0; 1,0]	-2,5 [-4,7; 1,7]	U = 36041,5, p = 0,390
Позитивный интерес (мать)	13,7 [10,0; 18,0]	14,0 [10,0; 17,0]	U = 36382,5, p = 0,482
Директивность (мать)	10,2 [8,0; 13,0]	10,2 [8,0; 14,0]	U = 35726,0, p = 0,317
Враждебность (мать)	6,0 [3,0; 9,2]	7,5 [3,0; 11,0]	U = 32710,5, p = 0,018*
Автономность (мать)	11,0 [9,0; 13,0]	11,0 [9,0; 13,0]	U = 37104,5, p = 0,707
Непоследовательность (мать)	8,4 [6,0; 11,0]	10,0 [8,0; 13,0]	U = 30148,0, p < 0,001***
Фактор близости (мать)	7,1 [0,7; 14,0]	6,0 [0,0; 13,0]	U = 35413,5, p = 0,254
Фактор критики (мать)	-0,7 [-4,0; 2,0]	-0,7 [-4,0; 2,0]	U = 37265,0, p = 0,762

Примечание: Me [Q1; Q3] — медиана, 1–3 квартиль; *** p ≤ 0,001, ** p ≤ 0,01, * p ≤ 0,05, двусторонний двухвыборочный U-критерий Манна–Уитни.

Таблица 4. Корреляционный анализ связи между выраженностью интернет-зависимого поведения и отношения со стороны родителей

Показатель (методика ADOR)	r-Спирмен	p-уровень
Позитивный интерес (отец)	-0,018	0,558
Директивность (отец)	0,049	0,098
Враждебность (отец)	0,123	<0,001***
Автономность (отец)	0,031	0,306
Непоследовательность (отец)	0,162	<0,001***
Фактор близости (отец)	-0,084	0,005**
Фактор критики (отец)	0,031	0,296
Позитивный интерес (мать)	-0,017	0,561
Директивность (мать)	0,136	<0,001***
Враждебность (мать)	0,148	<0,001***
Автономность (мать)	0,000	0,995
Непоследовательность (мать)	0,213	<0,001***
Фактор близости (мать)	-0,093	0,002**
Фактор критики (мать)	0,097	0,001***

Примечание: r-Спирмена — значение коэффициента корреляции; p — уровень значимости.

Table 3. Comparison of the evaluation of the parental attitudes in adolescents with moderate and high levels of Internet addictive behavior

Variables (ADOR)	ModriskIA (N = 654)	Max riskIA (N = 116)	Statistical differences
	Me [Q1; Q3]	Me [Q1; Q3]	
POZ (father)	12.3 [9.0; 17.0]	12.3 [9.0; 16.0]	U = 36861.0, p = 0.626
DIR (father)	8.5 [6.0; 11.0]	8.5 [7.0; 12.0]	U = 36478.0, p = 0.508
HOS (father)	6.1 [3.0; 9.0]	6.1 [3.2; 10.0]	U = 35736.5, p = 0.318
AUT (father)	10.9 [10.0; 13.0]	10.9 [10.0; 13.0]	U = 37782.5, p = 0.978
NED (father)	8.1 [6.0; 11.0]	8.1 [7.0; 10.7]	U = 36273.5, p = 0.451
POZ/HOS (father)	6.2 [1.7; 12.0]	6.2 [1.0; 11.0]	U = 36069.0, p = 0.395
DIR/AUT (father)	-2.5 [-6.0; 1.0]	-2.5 [-4.7; 1.7]	U = 36041.5, p = 0.390
POZ (mother)	13.7 [10.0; 18.0]	14.0 [10.0; 17.0]	U = 36382.5, p = 0.482
DIR (mother)	10.2 [8.0; 13.0]	10.2 [8.0; 14.0]	U = 35726.0, p = 0.317
HOS (mother)	6.0 [3.0; 9.2]	7.5 [3.0; 11.0]	U = 32710.5, p = 0.018*
AUT (mother)	11.0 [9.0; 13.0]	11.0 [9.0; 13.0]	U = 37104.5, p = 0.707
NED (mother)	8.4 [6.0; 11.0]	10.0 [8.0; 13.0]	U = 30148.0, p < 0.001***
POZ/HOS (mother)	7.1 [0.7; 14.0]	6.0 [0.0; 13.0]	U = 35413.5, p = 0.254
DIR/AUT (mother)	-0.7 [-4.0; 2.0]	-0.7 [-4.0; 2.0]	U = 37265.0, p = 0.762

Note: Me [Q1; Q3] — median, 1–3 quartile; *** p ≤ 0,001, ** p ≤ 0,01, * p ≤ 0,05, Mann–Whitney U-criterion.

Table 4. Spearman's correlations between the family factors and IA-behavior

Variables (ADOR)	r-Spearman's	p-
POZ (father)	-0.018	0.558
DIR (father)	0.049	0.098
HOS (father)	0.123	<0.001***
AUT (father)	0.031	0.306
NED (father)	0.162	<0.001***
POZ/HOS (father)	-0.084	0.005**
DIR/AUT (father)	0.031	0.296
POZ (mother)	-0.017	0.561
DIR (mother)	0.136	<0.001***
HOS (mother)	0.148	<0.001***
AUT (mother)	0.000	0.995
NED (mother)	0.213	<0.001***
POZ/HOS (mother)	-0.093	0.002**
DIR/AUT (mother)	0.097	0.001***

Note: r-Spearman's correlations; p — significance level.

мыми. В качестве зависимой переменной был взят общий показатель интернет-зависимого поведения по шкале Чена, в качестве независимых переменных, по результатам корреляционного анализа, — особенности оценки подростками отношения со стороны родителей: «Враждебность» (отец), «Непоследовательность» (отец), «Фактор близости» (отец), «Директивность» (мать), «Враждебность» (мать), «Непоследовательность» (мать), «Фактор близости» (мать), «Фактор критики» (мать), Нулевые гипотезы отклонялись при $p < 0,05$. Результаты отражены в табл. 5.

Таблица 5. Модель пошаговой линейной регрессии (N = 1119, скорректированный R-квадрат 0,185)

Переменные	Стандарти-	t	p-value
	зованные коэффициенты		
Бета			
(Константа)		14,012	0,000
Методика ADOR — Непоследовательность (мать)	0,129	4,641	0,000

Table 5. The linear regression model (N = 1119, corrected R-square 0.185)

Variable	Standardized rates	t	p-value
	Beta		
(Constant)		14.012	0.000
ADOR – NED (mother)	0.129	4.641	0.000

В полученной модели есть только один значимый фактор — непоследовательность со стороны матери.

Обсуждение результатов

В проведенном исследовании на выборке российских школьников, подростков в возрасте 15–18 лет, получены данные, характеризующие роль отношения со стороны родителей для формирования интернет-зависимого поведения в современных условиях широкой доступности и привлекательности онлайн-активности. Подростки с более выраженными проявлениями интернет-зависимого поведения и риска развития ИА соответственно, чаще сообщали о враждебности и непоследовательности в отношении со стороны отца, а также о директивности, враждебности и непоследовательности в отношении со стороны матери. Подростки с минимально выраженными или отсутствующими признаками интернет-зависимого поведения сообщали о более благополучных взаимоотношениях в семье, в частности, об эмоциональной близости с каждым из родителей. Так, подростки с наиболее высоким уровнем выраженности интернет-аддикции стремятся избегать взаимодействия с родителями, предпочитая проводить время онлайн. Отсутствие эмоционально благоприятных отношений, в частности враждебность, непоследовательность со стороны отца и директивность, непоследовательность, критика со стороны матери, способствует по-

вышению аддиктивного риска в подростковом возрасте. Полученные данные соответствуют данным некоторых зарубежных исследований, например, исследования взаимоотношений подростков с родителями как предиктора зависимого поведения (Trumello et al., 2018).

Важность эмоциональной привязанности ребенка к родителям была отмечена в работах Дж. Боулби (Боулби, 2003, 2006). Он отмечает, что качество привязанности к родителям влияет на дальнейший процесс социализации личности. Согласно теории Дж. Боулби (Дж. Боулби, 2003, 2006), при недостаточной эмоциональной привязанности к родителям у ребенка формируется избегающий тип привязанности, характеризующийся неспособностью к самораскрытию и эмоциональной отчужденностью, холодностью. Так, Дж. Боулби пишет, что подростки с ненадежным стилем привязанности характеризуются повышенным девиантным риском (Дж. Боулби, 2003, 2006). В современном отечественном исследовании, было показано, что подростки с ненадежным стилем привязанности характеризовались более высокими показателями девиантного и аддиктивного риска. Вместе с этим такие подростки склонны к преодолению социальных норм, демонстрируют установку на социально одобряемые стили поведения (Жихарева, 2018). Таким образом, наиболее благоприятные эмоциональные отношения с родителями могут являться протективным фактором к развитию девиантных форм поведения, а эмоционально неблагоприятные отношения с родителями (непоследовательные, враждебные, частая критика со стороны родителей и директивность) способствуют эмоциональной отчужденности и поиску социального взаимодействия в Сети. Л.В. Жихарева в своей работе пишет, что деструктивные поведенческие паттерны в подростковом возрасте могут являться специфической формой реализации своих эмоциональных потребностей (Жихарева, 2018).

Результаты корреляционного анализа в нашем исследовании показывают связь выраженности интернет-зависимого поведения и враждебности, непоследовательности со стороны отца, директивности, враждебности, непоследовательности и критики со стороны матери, а также отсутствия близости с обоими родителями. В итоговую модель пошаговой регрессии вошел только фактор непоследовательности в отношении со стороны матери, что соответствует некоторым данным о том, что отношения с матерью играют более важную роль, чем с отцом (Besser, Blatt, 2007; McKinney et al., 2008; Trumello et al., 2018). Таким образом, трудность адаптации подростка к разным воспитательным стилям родителей является наиболее важным фактором в развитии интернет-зависимого поведения. Эмоциональная недоступность матери может негативно отражаться на психологическом благополучии ребенка и, вероятно, может быть ассоциирована аддиктивным риском в старшем возрасте. Однако, есть и другие данные — например, о том связи между зависимостью от онлайн-игр и отношениями с отцом (Teng et al., 2020). При этом сле-

дует отметить, что в этом же исследовании итоговая модель показала более значительную роль отношений привязанности со сверстниками как протективного фактора, но не с родителями (Teng et al., 2020).

Полученные нами результаты согласуются с исследованиями семейных факторов риска ИА, отмечающими в качестве таковых нарушение семейных отношений (Kim, 2016), незаинтересованность и отсутствие эмоциональной поддержки подростка (Trumello et al., 2018). Есть данные о том, что подростки, родители которых проявляли холодность и отсутствие поддержки в отношении ребенка, характеризовались большим риском формирования девиантного поведения, в т.ч. интернет-зависимого поведения (Davis, 2001). В лонгитюдном исследовании было отмечено, что конфликты между родителями и повышенный контроль использования Интернета подростком предсказывали риск формирования интернет-зависимого поведения, особенно среди девушек (Ko et al., 2015). Напротив, при наличии во внутрисемейных отношениях доброжелательности и поддержки по отношению к ребенку подросткового возраста, последний демонстрировал устойчивость к формированию девиаций (Yu and Gamble, 2008; Yu and Gamble, 2009; Yu and Gamble, 2010).

Отечественные исследования в этой области относительно немногочисленны, но также подтверждают роль семейного фактора в риске развития ИА. В исследовании М.А. Богомоловой и Т.С. Бузиной было показано, что у подростков 11–15 лет уровень ИА положительно коррелирует с нарушениями процесса семейного воспитания и наиболее сильная связь наблюдается в области эмоционального принятия-отвержения ребенка родителем и в сфере автономии и контроля за поведением ребенка (Богомолова, Бузина, 2018).

В похожей работе было показано, что несовершеннолетние с высоким уровнем риска ИА чаще сообщают гиперпротекции и чрезмерно высоких требованиях со стороны родительской системы. Дополнительно было отмечено, что родители таких подростков характеризуются неуверенностью и страхом ошибки в воспитательном процессе (Даутова, 2020). Интересно, авторы указанного исследования описывают, что подростки с низким уровнем выраженности интернет-зависимого поведения характеризуют своих родителей непоследовательными в воспитательном процессе, что противоречит нашим данным. Также

важность характеристик семейной среды в отношении риска ИА отмечали в своей работе Ш.Р. Сулейманов и Б.К. Шанназаров (Сулейманов, Шанназаров, 2018).

Существуют отечественные данные, характеризующие подростков с выраженными проявлениями интернет-зависимого поведения как нуждающихся в большей близости с матерью и испытывающих трудности сепарации. Авторы связывают это с повышенной инфантильностью (Смирнова, 2013).

В заключение нам представляется важным отметить, что социальное взаимодействие в сети Интернет зачастую приводит к негативным эмоциональным переживаниям, особенно травматичным для подростков. По данным недавнего российского исследования, в которое были включены среди прочих респондентов 1554 подростка 12–17 лет и 1105 родителей подростков 12–17 лет из 8 федеральных округов РФ, большинство подростков сталкивается с различными видами киберагрессии, при этом родители недостаточно осведомлены о негативном и травматичном опыте детей в интернет-коммуникации и остроте переживания ими таких ситуаций, соответственно, не могут им оказать необходимую психологическую поддержку (Солдатова и др., 2020). Важность семейных взаимоотношений для гармоничного и благополучного развития ребенка известна давно, но в настоящее время мы получаем из совершенно различных областей жизни многочисленные свидетельства того, что характеристики отношений внутри семейной системы могут быть как значимыми протективными факторами, так и факторами риска развития ИА.

Заключение

Полученные в исследовании данные показывают наличие связи между семейными взаимоотношениями и признаками интернет-зависимого поведения у подростков. Наиболее важными факторами отношения со стороны родителей, связанными с риском интернет-аддикции у подростков, оказались факторы непоследовательности и враждебности обоих родителей при более значительной роли отношения со стороны матери. Полученные данные могут быть использованы при проведении профилактических программ среди школьников и подростков, а также психообразования родителей.

Литература:

- Богомолова М.А., Бузина Т.С. Интернет-зависимость: аспекты формирования и возможности психологической коррекции // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10, № 2 (49). С. 8.
- Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003.
- Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. М.: Академический Проект, 2006.
- Гриффитс М. Избыточное применение Интернета: онлайн-овое аддиктивное поведение // Тезисы дистантных зарубежных участников симпозиума «Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития». 2009. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.psy.msu.ru/science/conference/internet/2009/theses.html> (дата обращения 20.01.2021).
- Даутова, Е.В. Взаимосвязь особенностей семейного воспитания и интернет-аддикции у подростков // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2020. № 1. С. 33–39.
- Егоров, А.Ю. Нехимические зависимости. М.: ГЭОТАР, 2018.

- Егоров А.Ю. Интернет-зависимость: клиничко-диагностические маркеры и подходы к терапии: учебное пособие. М.: РУСАЙНС, 2020.
- Жихарева Л.В. Особенности эмоциональной привязанности у подростков, склонных к девиантной виктимности. Научный результат. Педагогика и психология образования. 2018. Т. 4, вып. 4. doi: 10.18413/2313-8971-2018-4-4-0-9
- Малыгин В.Л., Феклисов К.А., Искандирова А.С., Антоненко А.А., Смирнова Е.А., Хомерики Н.С. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики. Учебное пособие. М.: МГМСУ. 2011.
- Малыгин В.Л., Меркурьева Ю.А., Шевченко Ю.С., Малыгин Я.В., Пономарева М.В. Сравнительные особенности психологических свойств и социальной адаптации интернет-зависимых подростков и подростков, зависимых от каннабиноидов // Национальный психологический журнал. 2018. № 3 (31). С. 90–97. doi: 10.1162 = 1/npj.2018.0308
- Смирнова Е.А. Особенности семейного воспитания интернет-зависимых подростков // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. II, № 1. С. 246–252.
- Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Чигарькова С.В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. 2020. № 2 (38). С. 3–20. doi: 10.11621/npj.2020.0201.
- Сулейманов Ш.Р., Шанназаров Б.К. Факторы риска формирования интернет аддикции. В сборнике Охрана психического здоровья в современном мире: Материалы Научно-практической конференции / Под ред. Д.М. Ивашиненко. Тула: ТГУ, 2018. С. 32–36.
- Besser A., Blatt S.J. (2007). Identity consolidation, internalizing, and externalizing problem behaviors in early adolescence. *Psychoanalytic Psychology*, 24 (1), 126–149. doi: 10.1037/0736-9735.24.1.126
- Cerniglia L., Zoratto F., Cimino S., Laviola G., Ammaniti M., Adriani W. (2017). Internet Addiction in adolescence: *Neurobiological, psychosocial and clinical issues*. *Neurosci. Biobehav*, 76, 174–184. doi: 10.1016/j.neubiorev.2016.12.024
- Chen H.C., Wang J.-Y., Lin Y.-L., Yang S.-Y. (2020). Association of Internet Addiction with Family Functionality, Depression, Self-Efficacy and Self-Esteem among Early Adolescents. *Int. J. Environ. Res. Public Health*, 17, 8820. doi: 10.3390/ijerph17238820.
- Chung T.W.H., Sum S.M.Y., Chan M.W.L. (2019). Adolescent Internet Addiction in Hong Kong: *Prevalence, Psychosocial Correlates, and Prevention*. *Adolescent Health*, 64, 34–43. doi: 10.1016/j.jadohealth.2018.12.016.
- Davis, R.A. (2001). A cognitive-behavioral model of pathological Internet use. *Computers in Human Behavior*, 17 (2), 187–195. doi: 10.1016/s0747-5632(00)00041-8
- Griffiths M.D. (1999). Internet addiction: Internet fuels other addictions. *Student British Medical Journal*, 7, 428–429.
- Jordan C.J., Andersen S.L. (2017). Sensitive periods of substance abuse: Early risk for the transition to dependence. *Developmental Cognitive Neuroscience*, 25, 29–44. doi: 10.1016/j.dcn.2016.10.004
- Kandell J.J. (1998). Internet addiction on campus: The vulnerability of college students, *Cyber. Psychology and Behavior*, 1(1), 11–17.
- Kim M.K. (2016). Relationship of multicultural adolescents' stress, depression, family resilience and internet game addiction. *Journal of the Korea Convergence Society*, 7, 205–210. doi: 10.15207/jkcs.2016.7.1.205
- Ko C.H., Wang P.W., Liu T.L., Yen C.F., Chen C.S., Yen J.Y. (2015). Bidirectional associations between family factors and internet addiction among adolescents in a prospective investigation. *Psychiatry and Clinical Neurosciences*, 69, 192–200. doi: 10.1111/pcn.12204.
- McKinney C., Donnelly R., Renk K. (2008). Perceived parenting, positive and negative perceptions of parents, and late adolescent emotional adjustment. *Child and Adolescent Mental Health*, 13 (2), 66–73. doi: 10.1111/j.1475-3588.2007.00452.x
- Moon Y.I., Koo H.Y., Park H.R. (2005). Scope of Internet Addiction and Predictors of Addiction in Korean Children in Early Elementary School. *Korean J. Child Health Nursing*, 11, 263–272.
- Nakayama, H., Mihara, S., Higuchi, S. (2017). Treatment and risk factors of internet use disorders. *Psychiatry and Clinical Neurosciences*, 71, 492–505. doi: 10.1111/pcn.12493
- Odgers C.L., Caspi A., Nagin D.S., Piquero A.R., Slutske W.S., Milne B.J., Dickson N., Poulton R., Moffitt T.E. (2008). Is It Important to Prevent Early Exposure to Drugs and Alcohol Among Adolescents? *Psychological Science*, 19, 1037–1044. doi: 10.1111/j.1467-9280.2008.02196.x
- OECD. *Children Young People's Mental Health in the Digital Age Shaping the Future*; OECD Publishing: Paris, France, 2018.
- Reed P., Romano M., Re F., Roaro A., Osborne L.A., Viganò C., Truzoli R. (2017). Differential physiological changes following internet exposure in higher and lower problematic internet users. *PLoS ONE*, 12, 1–11. doi: 10.1371/journal.pone.0178480
- Schneider L.A., King D.L., Delfabbro P.H. (2017). Family factors in adolescent problematic Internet gaming: A systematic review. *Journal of Behavioral Addictions*, 6 (3), 321–333. doi: 10.1556/2006.6.2017.035
- Shaw M., Black D.W. (2008). Internet addiction: Definition, assessment, epidemiology and clinical management. *CNS Drugs*, 22 (5), 353. doi: 10.2165/00023210-200822050-00001
- Teng Z., Griffiths M., Nie Q., Xiang G., Guo C. (2020). Parent-adolescent attachment and peer attachment associated with Internet Gaming Disorder: A longitudinal study of first-year undergraduate students. *Journal of Behavioral Addictions*, 9 (1), 116–128. doi: 10.1556/2006.2020.00011
- Trumello C., Babore A., Candelori C., Morelli M., Bianchi D. (2018). Relationship with parents, emotion regulation, and callous-unemotional traits in adolescents' Internet addiction. *BioMed Research International*, 2018, 1–10. doi: 10.1155/2018/7914261.
- Yu J.J., Gamble W.C. (2008). Familial correlates of overt and relational aggression between young adolescent siblings. *Journal of Youth and Adolescence*, 37 (6), 655–673. doi: 10.1007/s10964-007-9208-0
- Yu J.J., Gamble W.C. (2009). Adolescent relations with their mothers, siblings, and peers: An exploration of the roles of maternal and adolescent self-criticism. *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*, 38 (5), 672–683. doi: 10.1080/15374410903103528.
- Yu J.J., Gamble W.C. (2010). Direct and moderating effects of social affordances on school involvement and delinquency among young adolescents. *Journal of Research on Adolescence*, 20 (4), 811–824. doi: 10.1111/j.1532-7795.2010.00669.x

References:

- Besser A., Blatt S.J. (2007). Identity consolidation, internalizing, and externalizing problem behaviors in early adolescence. *Psychoanalytic Psychology*, 24 (1), 126–149. doi: 10.1037/0736-9735.24.1.126
- Bogomolova M.A., Buzina T.S. (2018). Internet addiction: aspects of the formation and possibilities of psychological correction. *Medicinskaya psihologiya v Rossii (Medical psychology in Russia)*, 10 (2), 8.
- Bowlby J. (2003). *Affection*. M: Gardariki, 477.
- Bowlby J. (2006). *Creation and destruction of emotional connections*. Moscow: Academic Project, 131.
- Cerniglia L., Zoratto F., Cimino S., Laviola G., Ammaniti M., Adriani W. (2017). Internet Addiction in adolescence: Neurobiological, psychosocial and clinical issues. *Neurosci. Biobehav*, 76, 174–184. doi: 10.1016/j.neubiorev.2016.12.024.
- Chen H.C., Wang J.-Y., Lin Y.-L., Yang S.-Y. (2020). Association of Internet Addiction with Family Functionality, Depression, Self-Efficacy and Self-Esteem among Early Adolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17, 8820. doi: 10.3390/ijerph17238820
- Chung T.W.H., Sum S.M.Y., Chan M.W.L. (2019). Adolescent Internet Addiction in Hong Kong: Prevalence, Psychosocial Correlates, and Prevention. *Adolescent Health*, 64, 34–43. doi: 10.1016/j.jadohealth.2018.12.016
- Dautova E.V. (2020). Interrelation of the peculiarities of family education and Internet addiction in adolescents. *Vestnik social'no-gumanitarnogo obrazovaniya i nauki (Bulletin of social and humanitarian education and science)*, 1, 33–39.
- Davis R.A. (2001). A cognitive-behavioral model of pathological Internet use. *Computers in Human Behavior*, 17 (2), 187–195. doi: 10.1016/s0747-5632(00)00041-8.
- Egorov A.Yu. (2018). *Non-chemical dependencies*. Moscow: GEOTAR.
- Egorov A.Yu. (2020). *Internet addiction: clinical and diagnostic markers and approaches to therapy: a textbook*. Moscow: RUSAYNS, 254.
- Griffiths M.D. (1999). Internet addiction: Internet fuels other addictions. *Student British Medical Journal*, 7, 428–429.
- Griffiths M. Overuse of the Internet: Online Addictive Behavior. Abstracts of distant foreign participants of the symposium «Internet addiction: psychological nature and dynamics of development». 2009. (Retrieved from <http://www.psy.msu.ru/science/conference/internet/2009/theses.html> (review date: 20.01.2021).
- Jordan C.J., Andersen S.L. (2017). Sensitive periods of substance abuse: Early risk for the transition to dependence. *Developmental Cognitive Neuroscience*, 25, 29–44. doi: 10.1016/j.dcn.2016.10.004
- Kandell J.J. (1998). Internet addiction on campus: The vulnerability of college students, Cyber. *Psychology and Behavior*, 1 (1), 11–17.
- Kim M.K. (2016). Relationship of multicultural adolescents' stress, depression, family resilience and internet game addiction. *Journal of the Korea Convergence Society*, 7, 205–210. doi: 10.15207/jkcs.2016.7.1.205
- Ko C.H., Wang P.W., Liu T.L., Yen C.F., Chen C.S., Yen J.Y. (2015). Bidirectional associations between family factors and internet addiction among adolescents in a prospective investigation. *Psychiatry and Clinical Neurosciences*, 69, 192–200. doi: 10.1111/pcn.12204.
- Malygin V.L., Feklisov K.A., Iskandirova A.S., Antonenko A.A., Smirnova E.A., Khomeriki N.S. (2011). Internet addicted behavior. Diagnostic criteria and methods, 32. Moscow: MGMSU.
- Malygin V.L., Merkurieva Yu.A., Shevchenko Yu.S., Malygin Ya.V., Ponomareva M.V. (2018). Comparative features of psychological properties and social adaptation of Internet-addicted adolescents and adolescents addicted to cannabinoids. *Nacional'nyj psihologicheskij (National Psychological Journal)*, 3 (31), 90–97. doi: 10.1162 = 1/npj.2018.0308
- McKinney C., Donnelly R., Renk K. (2008). Perceived parenting, positive and negative perceptions of parents, and late adolescent emotional adjustment. *Child and Adolescent Mental Health*, 13 (2), 66–73. doi: 10.1111/j.1475-3588.2007.00452.x
- Moon Y.I., Koo H.Y., Park H.R. (2005). Scope of Internet Addiction and Predictors of Addiction in Korean Children in Early Elementary School. *Korean J. Child Health Nursing*, 11, 263–272.
- Nakayama H., Mihara S., Higuchi S. (2017). Treatment and risk factors of internet use disorders. *Psychiatry and Clinical Neurosciences*, 71, 492–505. doi: 10.1111/pcn.12493
- Oggers C.L., Caspi A., Nagin D.S., Piquero A.R., Slutske W.S., Milne B.J., Dickson N., Poulton R., Moffitt T.E. (2008). Is It Important to Prevent Early Exposure to Drugs and Alcohol Among Adolescents? *Psychological Science*, 19, 1037–1044. doi: 10.1111/j.1467-9280.2008.02196.x
- OECD. *Children & Young People's Mental Health in the Digital Age Shaping the Future*; OECD Publishing: Paris, France, 2018.
- Reed P., Romano M., Re F., Roaro A., Osborne L.A., Viganò C., Truzoli R. (2017). Differential physiological changes following internet exposure in higher and lower problematic internet users. *PLoS ONE*, 12, 1–11. doi: 10.1371/journal.pone.0178480
- Schneider L.A., King D.L., Delfabbro P.H. (2017). Family factors in adolescent problematic Internet gaming: A systematic review. *Journal of Behavioral Addictions*, 6 (3), 321–333. doi: 10.1556/2006.6.2017.035
- Shaw M., Black D.W. (2008). Internet addiction: Definition, assessment, epidemiology and clinical management. *CNS Drugs*, 22 (5), 353. doi: 10.2165/00023210-200822050-00001
- Smirnova E.A. (2013). Features of family education of Internet-addicted adolescents. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik (Yaroslavl Pedagogical Bulletin)*, 1 (2), 246–252.
- Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Chigarkova S.V. (2020). Types of cyber aggression: the experience of adolescents and youth. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal (National Psychological Journal)*, 2 (38), 3–20. doi: 10.11621 / npj.2020.0201
- Suleymanov Sh.R. (2018). Risk factors for the formation of Internet addiction. *Ohrana psihicheskogo zdorov'ja v sovremennoy mire: Materialy Nauchno-prakticheskoy konferencii (Mental health care in the modern world: materials of a scientific and practical conference)*, 32–36.
- Teng Z., Griffiths M., Nie Q., Xiang G., Guo C. (2020). Parent-adolescent attachment and peer attachment associated with Internet Gaming Disorder: A longitudinal study of first-year undergraduate students. *Journal of Behavioral Addictions*, 9 (1), 116–128. doi: 10.1556/2006.2020.00011

- Trumello C., Babore A., Candelori C., Morelli M., Bianchi D. (2018). Relationship with parents, emotion regulation, and callous-unemotional traits in adolescents' Internet addiction. *BioMed Research International*, 2018, 1–10. doi: 10.1155/2018/7914261
- Yu J.J., Gamble W.C. (2008). Familial correlates of overt and relational aggression between young adolescent siblings. *Journal of Youth and Adolescence*, 37 (6), 655–673. doi: 10.1007/s10964-007-9208-0
- Yu J. J., Gamble W.C. (2009). Adolescent relations with their mothers, siblings, and peers: An exploration of the roles of maternal and adolescent self-criticism. *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*, 38 (5), 672–683. doi: 10.1080/15374410903103528
- Yu J.J., Gamble W.C. (2010). Direct and moderating effects of social affordances on school involvement and delinquency among young adolescents. *Journal of Research on Adolescence*, 20 (4), 811–824. doi: 10.1111/j.1532-7795.2010.00669.x
- Zhikhareva L.V. (2018). Features of emotional attachment in adolescents prone to deviant victimization. Scientific result. *Pedagogy and Psychology of Education*, 4 (4). doi: 10.18413 / 2313-8971-2018-4-4-0-9